

Николай Добролюбов

**Уголовное дело. Бедный
чиновник. Соч. К.
С. Дьяконова**

Николай Александрович Добролюбов

Уголовное дело. Бедный чиновник. Соч. К.С. Дьяконова

Две незначительные пьесы из потока «обличительной» литературы послужили Добролюбову поводом для выступления против господствовавшего во второй половине 1850-х гг. официально-либерального умонастроения. Начало статьи, якобы присланной в редакцию «Современника» – пародийная характеристика этого умонастроения с его поверхностным критицизмом и высокопарным оптимизмом, за которыми – либеральная концепция исторического момента, воспринимаемого как эпоха «великих реформ», открывающих России путь к благоденствию. Для революционера-демократа Добролюбова решительно неприемлемы и этот темп, и этот масштаб общественных перемен. С конца 1858 г. борьба с либеральной идеологией становится одной из главных тем его творчества.

Содержание

#1	0005
Примечания	0017

**Николай Александрович
Добролюбов
Уголовное дело. Бедный
чиновник. Соч. К.С.
Дьяконова**

*Уголовное дело. Комедия в четырех
действиях. СПб., 1858*

*Бедный чиновник. Сцена из жизни чи-
новника. Соч. К. С. Дьяконова. СПб.,
1858*

«**В** настоящее время, когда в нашем отечестве поднято столько важных вопросов, когда на служение общественному благу вызываются все живые силы народа, когда все в России стремится к свету и гласности, – в настоящее время истинный патриот не может видеть без радостного трепета сердца и без благодарных слез в очах, блистающих святым пламенем высокой любви к отечеству, – не может истинный патриот и ревнитель общего блага видеть равнодушно высокоблагородные исчадия граждан литераторов, с пламенником обличения шествующих в мрачные углы и на грязные лестницы низших судебных инстанций и сырых квартир мелких чиновников, с чистою, святою и плодотворною целью – словом энергического и правдивого обличения пробить грубую кору невежества и корысти, покрывающую в нашем отечестве жрецов правосудия, служащих в низших судебных инстанциях, осветить грозным факелом сатиры темные деяния волостных писарей, будочников, станowych, магистратских секретарей и даже иногда отставных столоначальников палаты, пробудить в сих очерст-

вевших и ожесточенных в заблуждении, но тем не менее не вполне утративших свою человеческую природу существах горестное сознание своих пороков и слезное в них раскаяние, чтобы таким образом содействовать общему великому делу народного преуспеяния, совершающегося столь видимо и быстро во всех концах нашего обширного отечества, нашей родной Руси, которая, по глубоко знаменательному и прекрасному выражению нашей летописи, этого превосходного литературного памятника, исследованного г. Сухомлиновым[1], – велика и обильна, и чтобы доказать, что и молодая литература наша, этот великий двигатель общественного развития, не остается праздною зрительницею народного движения в настоящее время, когда в нашем отечестве возбуждено столько важных вопросов, когда все живые силы народа вызваны на служение общественному благу, когда все в России неудержимо стремится к свету и гласности».

Таково начало критической статьи, недавно присланной нам по поводу двух названных нами комедий. Некоторым из читателей,

наиболее взыскательным, может быть покажется, что начало это несколько длинно. Мы этого не находим: продолжение несравненно длиннее, но мы не без душевного удовольствия прочитали его. Не смеем представить нашим читателям всей статьи, ибо мы не уверены, что она нигде не была напечатана (нам все кажется, что мы не так давно читали ее, и даже не один раз, в каком-нибудь из лучших наших журналов; по крайней мере начало ее нам очень знакомо). Но не можем удержаться, чтобы не рассказать вкратце ее содержание. Статья состоит из трех отделов и заключения. Вслед за великолепным, достойным самого Ломоносова, периодом, приведенным нами, следует первый отдел, объясняющий, что истинный патриот не может без благодарного трепета сердечного видеть плодотворные произведения писателей-обличителей, содействующих делу общественного преуспеяния. Далее, во втором отделе, говорится, что литература благородно ведет себя в настоящее время, когда в нашем отечестве возбуждено так много общественных вопросов, когда все живые силы государства вызываются

на служение общему благу и все стремится к правде и свету. В третьем отделе автор утверждает, что не может истинный патриот взирать без умиления на исчадия истинных граждан-литераторов, разоблачающих ложь и преследующих неправду с пламенником обличения. В заключении развивается весьма новая и смелая мысль, что нельзя не признать высокого значения в трудах писателей, содействующих общему преуспеянию в настоящее время, когда в нашем отечестве поднято так много общественных вопросов, когда вызваны к плодотворной деятельности все живые силы народа и все стремится к правде, гласности, свету и преуспеянию.

Статьека нам очень понравилась. Она написана бойко; горячо, благородно. Видно, что автор хорошо изучил предмет, о котором говорит; видно также, что он одушевлен истинным желанием общего блага. Мы непременно бы ее напечатали, несмотря на длинноту (она составила бы страниц 250), если б не проклятая уверенность, что мы где-то уже читали ее в русских журналах или газетах.

Впрочем, надо заметить, что статьяка еще

не кончена и в ней ни слова не говорится о комедиях, по поводу которых она написана. Надобно полагать, что во второй половине статьи автор приложит к этим произведениям общие воззрения, высказанные им с таким жаром и красноречием в первой половине. Без сомнения, конец будет соответствовать началу по изяществу слога и свежести мысли. Как только получим мы вторую половину этой замечательной критики, то не замедлим поделиться ею о нашими читателями. Теперь же ограничимся пока несколькими беглыми заметками о названных нами комедиях, сознаваясь заранее, что наши собственные мысли должны показаться слишком бледными и прозаическими пред теми изящными и высокими воззрениями, которые мы сейчас представляли читателям из статьи неизвестного автора.

По нашему личному мнению, лучшее употребление, какое можно бы сделать из этих комедий, относится к области несколько специальной, а именно: взяточники и всякие герои, оскорбленные г. Щедринным[2], могли бы воспользоваться этими комедиями как пре-

восходным орудием мщения своему обличителю. Дело это могло бы весьма просто совершиться следующим образом. Взяточники и всякие герои могли бы сочинить прошение к Аполлону, о том, чтобы он обязал г. Щедрина подпискою прочитать «Уголовное дело» и «Бедного чиновника». Аполлон, конечно, не согласился бы сначала на столь крутую меру, но ему можно было бы поставить на вид, что г. Щедрин должен быть признан, так сказать, первым виновником появления в свет «Уголовного дела» и «Бедного чиновника», ибо первый подал повод к сочинению подобных благонамеренностей. Тогда добродушный Аполлон согласился бы, и посмотрели бы мы, кто из даровитых писателей решился бы, после такого опыта, на писание благонамеренных произведений!..

Но увы! г. Щедрин знать не хочет о плачевных последствиях своей блестящей литературной деятельности, и за все про все должны расплачиваться мы!.. Где ж тут справедливость!.. А делать нечего, надобно читать.

Да, мы прочитали «Уголовное дело» и «Бедного чиновника». Мы прочитали их, заинте-

ресованные в их пользу великолепную критическую статью, выпискою из которой начали мы свою рецензию. Мы всегда причисляли себя к числу истинных патриотов и потому полагали, что слезы умиления непременно появятся в глазах наших при чтении сих комедий, одушевленных идеями истинно благородными. Но, к несчастью, наши ожидания не сбылись. С такою мрачною, глухою, непроницаемою бездарностью, какою пресыщены обе комедии, мы не желаем вам встречаться, читатель, никогда в вашей жизни. Если б на нас не лежала в некотором роде священная обязанность «вам сказать, чего не надобно читать»[3], то, уверяем вас – пусть бы сама философия, сама мудрость, сама добродетель воплотилась в героев «Уголовного дела» или «Бедного чиновника», заговорила их языком и приняла их ужимки, мы бы бежали, бежали, позорно бежали и от мудрости и от добродетели. Бог с ними! Лучше весь век прожить без мудрости и добродетели, не зная ни «Дела», ни «Чиновника», нежели преисполниться добродетелью и мудростью из этих комедий. Не будь у нас знакомства с мудростью,

добродетелью и «Бедным чиновником» и услышав мы рассказ о выгнанном из службы 40-летнем титулярном советнике, которому предлагают жениться на прелестной девушке, с условием получить за ней 30 тысяч и потом оставить ее в покое, – выслушав этот рассказ, мы несколько не удивились бы, не пришли в бешеное волнение, а просто сказали бы: «Не по чину, брат, берешь...» Тем бы дело и кончилось. Но мы прочитали «Бедного чиновника», которого все содержание именно в таком казусе и состоит, мы пропитались правилами мудрости и добродетели и должны выслушать от г. Синицына, бедного чиновника, титулярного советника, несколько тирад, подобных, например, следующей:

– Нет, господа, это уж слишком; так шутить с человеком – бесчестно!.. Неужели вы не придумали ничего лучшего? Неужели в вас нет ни капли сострадания? О! клянусь вам, я не заслуживаю подобного унижения. Вы не знаете, как больно это слышать тому, кто старался только о пользе общей и ни в чем не запятнал свою честь! Тридцать тысяч! в моем положении

какое ужасное обольщение! Вы хотели этим прельстить мое самолюбие, вы думали, что бедный чиновник согласится на всякое постыдное предложение – для приобретения денег? Как жестоко вы ошиблись! Вы забыли, господа, что честь для меня дороже всего на свете. Я готов перенести всю пытку нищеты, все несчастья, которыми наделяет нас судьба, но согласиться на подобное дело – никогда! У меня нет никаких надежд облегчить свое положение, и я должен в поте лица добывать себе хлеб, но я знаю, что трудовая копейка дороже мне этих тысяч, что с ней я проживу спокойно, без угрызений совести и не буду краснеть за себя... Я отказываюсь от них, мне ничего не надо... у меня останется честь, а она дороже всех сокровищ в мире.

Какие прекрасные, нравственные мысли! – восклицаю я, напоенный правилами мудрости и добродетели. Но не скрою: мне скучно, тошно, сон меня клонит, глаза слипаются, и я рад, когда, после всех этих разглагольствий, г. Синицын говорит наконец на последней стра-

нице: «Женюсь!» Следовало бы зарыдать над этим роковым «женюсь». Я это очень хорошо понимаю, но тем не менее я рад... что же прикажете делать? Я уж сказал, что от всякой мудрости и добродетели отступишься, только бы отделаться от «Бедного чиновника».

Такое же впечатление производится «Уголовным делом»: совершенно всякий кураж отнимается. Дело это, видите, поднято частным приставом, в отсутствие городничего, о том, что один купеческий сын изувечил маркера, остригши ему волосы и бороду, которые тот проиграл ему на бильярде. С купца, разумеется, частный взял взятку, а городничий приехал – захотел другую, и затянули дело на четыре месяца; исписали бумаги целую гору, а когда пришло к решению, оказалось, что у маркера волосы совсем уж отросли и хлопотать не о чем. Частный не хочет угомониться и говорит: «Как, помилуйте, ведь маркер все-таки был обижен?» Но городничий возражает: «Был, да сплыл; а при этом случае я тебя узнал, молодец; и хоть я-то опростоволосился, а уж завтра же тебя спущу долой». – «За что же?» – вопрошает частный. «Так, за волосы», –

отвечает городничий. Остроумие, видите, одолело всех в «Уголовном деле». «Ты что мелешь? аль с похмелья?» – «А все с головы началось, стало быть, чисто уголовное». Это остроты частного. «Вышла драка, цирюльник оплошал, и не он, а ему пустили кровь», – острота будочника. «Уж ты мне все с твоими материями: сама ты сухая материя», – острота городничего. «Вот оно (дело о маркере Гавриле): ух, как выросло, руки так и обломило; каково же должно быть бедному Гавриле его нести!» Это уж острится секретарь полиции. Словом, все прикосновенные к делу, наипаче же служащие в полиции, – остряки беспардонные. Купец же Бровкин приправляет свою речь сентенциями, с прибавкою: «как у Казака Луганского[4] сказано». Поострить, впрочем, и он не упускает случая, и даже в этом отношении может поравняться с будочником, хотя и далеко отстает от частного с городничим.

Человек с крепкими нервами может вынести все эти полицейские остроты и остаться в добром здоровье. Но ежели «Уголовное дело» попадетя, по несчастью, в руки человеку сла-

бонервному и имеющему чувствительное сердце, то беда просто! Ему не останется ничего более, как заливаться при чтении этой комедии горькими слезами, думая: «Господи, боже мой! Неужели правила мудрости и гражданской доблести должны в нашем отечестве пропагандироваться с помощью подобных острот и с таким ущербом для здравого смысла?!»

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 12, отд. II, с. 225–230, без подписи. Вошла в изд. 1862 г.

Две незначительные пьесы из потока «обличительной» литературы послужили Добролюбову поводом для выступления против господствовавшего во второй половине 1850-х гг. официально-либерального умонастроения. Начало статьи, якобы присланной в редакцию «Современника» – пародийная характеристика этого умонастроения с его поверхностным критицизмом и высокопарным оптимизмом, за которыми – либеральная концепция исторического момента, воспринимаемого как эпоха «великих реформ», открывающих России путь к благоденствию. Для революционера-демократа Добролюбова решительно неприемлемы и этот темп, и этот масштаб общественных перемен. С конца 1858 г. борьба с либеральной идеологией становится одной из главных тем его творчества, и най-

денное в рецензии сатирическое «клеймо» «В настоящее время, когда...» не раз послужило ему в этой борьбе. Значение этого отрезвляющего слова, сказанного в эпоху всеобщего энтузиазма, подчеркнул впоследствии Н. А. Некрасов:

*Понял горькую истину сразу
Только юноша гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»*

*(Из сатиры «Недавнее время»,
1871)*

Комментарии

Речь идет о книге М. И. Сухомлинова «О древней русской летописи как памятнике литературном». СПб., 1856.

[^^^]

В «Губернских очерках».

[^^^]

Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

[^^^]

4

Казак Луганский – псевдоним В. И. Даля.

[^^^]